

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

НИЗАМИ

СЕМЬ ПОРТРЕТОВ

(Отрывок)

Низамеддин Абу-Мухаммад Ильяс ибн-Юсуф Низами родился в 1141 г. по Р. Х. в Куме и почти всю жизнь провел в Гендже, нынешнем Елизаветполе, где и умер в 1203 г. Низами один из величайших эпических поэтов Персии и творение его, знаменитая «Пятерица» (Хамсе), до сих пор живо в персидском народе. Поэмы его при всем разнообразии затронутых автором тем отличаются сильной романтической окраской и (явление на Востоке чрезвычайно редкое) большой глубиной психологического анализа, делающей их близкими европейскому читателю.

Настоящая новелла взята из четвертой его поэмы «Семь портретов». Ее рассказывает молодая красавица сасанидскому дарю Бехрам-Гуру.

Оригинал написан мерной речью, но перевод нами выполнен в прозе, ибо адекватно передать все богатство образов Низами в мерной речи мог бы лишь выдающийся поэт. При стихотворном переводе в лучшем случае получится бледное подражание оригиналу, которое отнюдь не сможет передать всей оригинальности и свежести творения персидского поэта.



Был человек в Египте по имени Махан, лицом прекраснее полной луны, Иосиф египтян по красоте, но индиец ¹⁾ по тысяче коварных проделок. Из множества друзей и сверстников каждый радовался его прекрасному лицу.

Зачастую под голубым небосводом внимал он, вместе с друзьями, пению и музыке. Каждый из любови к этому благодатному светочу приглашал его в гости в дом и сад. Как-то раз вельможа, великий, не малый, пришел и увел его в гости в свой сад. Прекрасен и радостен был этот сад, но друзья еще во сто раз прекраснее. До ночи веселились там, то пили вино, то кушали фрукты. Каждый миг — развлечения и забавы, каждое мгновение — угощение из другого угла.

¹⁾ В персидской литературе индиец всегда означает коварного разбойника.

Когда ночь подняла знамя из мускуса¹⁾, и перо покрыло серебро смолой²⁾, они весело проводили время в этом саду с вином в руках, распевая на разные лады. Сердце они отдали в залог за этот сад, и снова веселились и по новому развлекались. Лунный свет озарял весь мир, и ночь поистине была светла как день.

Когда мозг Махана разгорячился от вина, он увидел лунный свет и стал торопиться. Обошел вокруг сада как пьяный и вышел с лужайки в пальмовую рощу. Увидел он человека, который подошел к нему издали и сослался на знакомство; взглядевшись, Махан узнал, что это его сосед и товарищ по капиталу в торговле.

Махан спросил: — «Как же ты прибыл в это время и нет у тебя ни спутников, ни слуг, ни рабов?» — «Сегодня вечером прибыл я из далекого пути», отвечал тот, «и сердцу моему нетерпелось повидаться с тобой. Барыш я привез превыше всякой меры, за такой барыш надлежит воздать благодарность. Я прибыл к городу в сумерки, ворота были закрыты, к дому было не пробраться. В каравансарае за городом я сложил выюки и запечатал их своим кольцом. Потом я узнал, что хозяин в гостях, и вот пришел за тобой. Будет лучше, если ты пойдешь в город, это принесет выгоду. Кроме того, возможно, что темной ночью нам удастся укрыть товар от пошлины».

Сердце Махана возликовало от барыша, и последовал он за тем человеком. Открыли они тайком ворота сада, и так как никто их не видел, никто ничего не сказал. Оба бросились бежать, словно ветер, и бежали, пока не прошла одна или две стражи ночи. Впереди бежал быстрым ходом товарищ, Махан сзади него, словно пыль. Когда дорога пошла по таким местам, где не было домов, и стрела мысли пролетела мимо цели, Махан сказал:

— «От нас до берегов Нила всего только одна миля, а мы прошли больше четырех фарсахов, вышли за пределы города». — Но потом подумал про себя: «Быть может, я пьян, и это ошибка моего воображения. Тот, кто сопровождает меня, указывая путь, знает дорогу и при том ведь он трезв».

И попрежнему продолжали они свой бег: бежавший сзади — осторожно, бежавший впереди — поспешно. Если отставал бежавший позади, бежавший впереди окликал его, и не переставали они бежать до того часа, пока не запели птицы.

Когда встряхнула перышки утренняя птичка, и фантазии покинули мозг ночи, когда глаз людей, склонных к фантазиям, освободился от сутолоки фантастической игры, спутник Махана вдруг скрылся, и Махан остался, сбившись с пути, в смятении. Жар усталости пронизал его мозг, усталый и слабый, он тут же уснул. Он лил слезы, как догорающая свеча, и, уснув, проспал до самого полдня.

Когда настал новый день, голова его от солнца стала горячее, чем пламя его сердца. Проснулся он, оглянулся, осмотрел всю дорогу, искал сад полный роз, но не увидел роз, увидел только сердце полное тысячи

¹⁾ Т. е. черное.

²⁾ Т. е. близна дня была покрыта чернотой почвы.

угрызений. Увидел, что путь его идет близ огромных пещер, а во всех пещерах змеи, и размеры их больше драконов. Хотя и не было сил у него в ногах, но все-таки решил он идти. Две ночи и два дня он не ел хлеба, шел по пути, и не было у него проводника. Пока не сел царь ночи на свой престол, Махан дрожал от страха перед своей собственной тенью.

Когда ночь начертала чернокнижные рисунки, а день освободился от белых дел, он упал без чувств у входа в какую-то пещеру и каждая травинка казалась ему змеей. Но в то время, когда он терял сознание в этом обиталище дивов¹⁾, долетел до его уха человеческий голос. Открыл он глаза и увидел двух человек: мужчину и женщину. У обоих на спине были выюки, и шли они, от тяжести, медленно. Когда мужчина увидел его на своем пути, он оставил женщину на месте, а сам подошел поближе и крикнул: — «Говори скорей, кто ты? С кем, скажи, ты водишься?» — «Чужестранец я», — сказал Махан: — «дела мои плохи, а имя мое разумный Махан». — «Как же ты попал сюда?» — спросил тот: — «Ведь в этой пустыне нет жилья. Вся эта местность жилье дивов, даже лев бежит, страхась их козней».

— «Что за чудо!» — воскликнул Махан: — «О добрый человек, соверши благодеяние, которое подобает сделать, не сам я попал сюда, а о дивах оставь речь, я рожден от человека. Вчера я был в неге и покое, в гостях на Иремской²⁾ дыновке. Пришел человек, сказал: «я твой сосед, твой товарищ по капиталу и имуществу». Из того рая он забросил меня в эту пустыню и сам исчез, когда взошло солнце. Этот друг небрежный к дружбе или ошибся, или совершил со мною злое дело. Будь же милостив, ради бога, покажи мне потерянный путь!»

— «О прекрасный юноша», — ответил человек, — «на один волосок ты был от гибели. Див был тот, кого ты называешь человеком, а имя его Хаиль-пустынный. Сотни людей сбивал он с пути, как тебя, каждый из них погиб в пустыне. Я и эта женщина будем твоими спутниками и друзьями, оба будем оберегать тебя сегодня ночью. Мужайся и иди между нами, не отставай ни на единый шаг, ни на движение».

Пошел Махан с этими двумя вожатыми, и шли они миля за милей. До самого утра не промолвили ни слова, все время шли друг за другом. Когда забарабанил на заре крик петуха, и утро повязало на себя золотой колокол, эти два человека стали замком без ключа и сразу исчезли из виду. Снова свалился Махан с ног, уселся на дороге измученный. Когда день дал отблеск света, и земля засвидетельствовала кровавую гибель ночи, побродил Махан по этой пустыне и увидел: гора вздымается над горой, вокруг горные теснины. Силы покинули его, ибо не было пищи, не было еды, кроме отчаяния и печали. Корней и семян трав он искал и поел немного, вместо хлеба. Все же он не покинул намерения продолжать путь и не оставил не пройденной дороги. Шел он тот день с горы на гору и, в страхе, отчаялся в мире и в своей жизни.

¹⁾ Див у персов злой дух, обитающий в пустынных местах.

²⁾ Мифический сад на юге Аравии.

Когда белый день стал черным, измучился путник в пути, заполз в расщелину скалы и поспал немного, скрыв свое лицо от прохожих. Вдруг слышал он конский топот и увидел на пути царственного всадника. Горячил всадник своего коня, а в другой руке держал повод другого коня. Приблизившись вплотную к Махану, он увидел красавца, заползшего в камши. Увидев это, он попридержал повода своей лошади и сказал: — «О сидящий на пути красавец, кто ты и зачем здесь? Сообщи мне свою тайну, не то я свесу тебе голову!»

Махан задрожал перед ним от страха... и молвил: — «О гордо выступающий путник, выслушай полностью раба». — Рассказал он все, что знал, тайное и явное, так как слушатель внимал. Всадник выслушал от него рассказ, изумился и, прикусив свою руку, прошептал про себя «Нет силы» ¹⁾ и сказал: — «О ты, спасшийся от гибели, знаешь ли ты, что это были два хитроумных гуля ²⁾ — самец и самка, которые сбивают людей с пути. Они заводят их в пещеры и проливают кровь, а когда наступает утро, — бегут. Самку зовут Мила, а самца Гила, их занятие — причинять зло и напасти. Благодарю бога, что спасся от гибели у них, а теперь не страшись. Если ты муж, садись на коня, подтяни повода и молчи обо всем, добром и злом. Гони ветроногого коня, а в сердце поминай бога».

Обессиленный и замученный темп двумя злодеями, сел Махан на быстрого скакуна и так погнался коня, что ветер отставал от него. Когда проскакали они часть пути и миновали опасные горы, открылась за горами низина, веселая долина, ровная, как ладонь. Со всех сторон раздавались звуки музыки, стоны лютни и напевы песен. С одной стороны крик: «К нам ступай!» с другой призыв: «Сладостно да будет тебе вино!» Горы и доли, вместо зелени и цветов, были заполнены гулями и вином. Вся равнина переполнена дивами, горы и доли — толпа за толпой. Див к диву, спина к спине, по всей равнине подняли крик. Все, как ураган, взрывали землю, были похожи на пьявок — длинные и черные. Доехал Махан до такого места, где справа и слева к небу подымался рев и крик. Вопли и завывания вступившихся в пляс заставляли мозг кипеть в голове, каждое мгновение этот крик усиливался, с каждым мигом становился все громче. Когда прошло некоторое время, издали показалась тысяча факелов, появилась толпа, все страшные чудовища огромного роста, гули и черные зинджи ³⁾, все в одеждах, как смола, и шапках, как деготь, все с длинными хоботами и развесистыми рогами, и бык, и слон, и гуль, все вместе. Каждый держал в руке факел, и были они противны и безобразны, как пьяная речь. Языки пламени вырывались из их глоток. Чудовища топали, как слоны, и бодались рогами. Когда они все вместе забили в литавры, то заплясал весь мир. Под напев, который играли эти черные чудовища, заплясал и конь Махана.

Посмотрел Махан на своего коня, почему на ногах его показались перья, и увидел под собой бедствие и напасть, увидел, что сидит на драконе,

¹⁾ «Нет силы и нет могущества, кроме как у бога», — восклицание изумления.

²⁾ Гуль — демон, пожирающий людей.

³⁾ Зазибарцы, т. е. черные негры.

увидел четырехкрылого дракона, — что я говорю, — семиглавого змея, и сам он сидит на этом адском звере, прижав обе ноги к его шее. А еще удивительнее, что этот дружелюбный див каждое мгновение выкидывал другую штуку, топал ногами с тысячью извивов, запутаннее, чем свернутый канат. А Махан был бессилен как изнеженная щепка, которую поток несет с горы. Из стороны в сторону бросал и таскал его змей, сразу измучил его и бессильного таскал в приступе веселья, бросал вверх и вниз, то подбрасывал как мяч, то брыкал его ногами, — так потешался он над ним тысячами шуток до самого утра и крика петухов, а как только утро показало голову из созвездия Льва, он сбросил всадника с шеи и исчез, и сейчас же прекратился шум в мире, и черные котлы перестали кипеть.

Когда всадник увидел, что упал с дива, он лишился сил, как человек, выдавший дива, остался без чувств лежать на дороге, как больной или, скорее, как отдавший душу; и пока не нагрелась его голова от солнца, не знал он ничего ни про себя, ни про внешний мир. Когда же от жары закипел его мозг, сознание вернулось в лишившееся чувств тело. Махан протер глаза, встал с земли, добрый час глядел направо и налево и увидел вокруг себя пустыню, которая не имела конца. Яркий песок застыл вокруг кучами, красный как кровь, горячий как ад. Пустыня заносила над головой путника меч, она сыпала песок и расстиала кожаный коврик для казни ¹⁾. Когда Махан, испытавший беду в прошлую ночь, набрался сил и пришел в сознание, он поспешил уйти из этой западни, от этих чудовищ и нашел утешение в переулке скорбящих. Он пустился в путь и побежал как ветер, а отравленный воздух пускал в него стрелы, он так бежал, что даже стрела на полном лету и та отстала бы от его торопливого бега. Когда приблизилась к ночи вечерняя тьма, он пробежал всю пустыню и увидел зеленую долину и текущую воду, сердце его забилося, так как судьба опять стала к нему благосклонной. Попил он воды, омылся и стал искать места для сна. Сказал он себе: «Лучше мне отдохнуть ночью, ибо ночью мой разум приходит в смятение. Я в меланхолическом настроении, а этот воздух сух, и дорога пустынна. Если я увижу безобразные явления, игра фантазии убьет мой разум. Я сегодня ночью лучше спокойно посплю, чтобы не видеть ночных видений».

Повсюду и на всех путях начал он искать безопасного места, пока не пришел к оврагу и не увидел в нем длинной расселины. Был в ней колодез глубиной локтей в сто, не проникал туда никто, кроме тени. Спустился он в этот колодез, как в дом, на подобие Иосифа, словно канатчик, попавший в беду. Добрался до самого дна, — ты сказал бы: птица забралась в гнездо. Когда спустился он в сокровенное место, положил он голову на землю и немного поспал.

Когда пришел в себя Махан от сладкого сна, начал он поправлять изголовье, открыл глаза, оглянулся в колодезе, попытался вышить рисунок на черном шелке и вдруг увидел луч величиной с небольшую монету, как

¹⁾ В Персии при обезглавлении человека сажали на кожаный коврик.

жасмин в черной тени ивы. Стал он осматривать этот свет справа и слева: — откуда происходит это сияние? Увидел он, что высокий свод треснул, и через него светит луна. Когда он понял, что этот фонтан света сияет от луны, но луна от него далеко, он засунул пальцы в отверстие и стал его расширять, пока не сделал его таким, что мог просунуть в него голову и шею; высунул голову и увидел сад и цветник, увидел прелестное светлое место. Он продолжал расширять расселину, пока усилием и хитростью не смог в нее пролезть. Попал он в сад, нет, не сад, скорее рай, лучше Иремского сада по природе и расположению, прелестный дуг и, как сотни красавцев, — красовались там бесчисленные тополя и кипарисы. Плодовые деревья от обилия плодов, словно молясь, склонялись до самой земли, плодов было превыше всякой меры, свежих, как душа, и освежавших душу; яблоки — словно рубины старого вина, гранаты — как яхонтовые ларды, айва — словно шары скатанные из мускуса, фисташки — с сухой усмешкой и влажными устами, цвет персиков в густых ветвях затмевал желтые и красные яхонты. Сахарные груши сладко смеялись, гроздья винограда висели как связки жемчугов. Мед абрикосов и мозг миндаля заставил томиться его уста. Кусты красного винограда огненного цвета, как вино, скрывали самую кровь. Ветки апельсинов и свежая листва лимонов, финиковые рощи по всем углам, сад, словно кудесник, был полон чар, дыни лежали пестрыми ларцами.

Махан, найдя такой рай, отвратил сердце от вчерашнего адского жилья. Поел он немного сладостных плодов и отдохнул от своей усталости. Вдруг издали поднялся крик: «Хватайте вора!» Прибежал старик, кипя гневом и мщением, неся на плече дубину с целый чинар величиной, и закричал: — «Эй, бес, ворующий плоды, кто ты такой? Зачем ты ночью забрался в сад? Сколько лет я состою при этом саде, но не знал печали от ночных нападений воров... Кто ты такой и как тебя звать? Откуда ты, кем тебя считают?»

Когда он прочел Махану такую проповедь, несчастный юноша обмер, и у него застыли руки и ноги. Молвил он: — «Я человек, удалившийся из дому, попавший на чужбину в незнакомое место. Облаской измученных чужестранцев, чтобы назвал тебя небосвод милостивым к странникам».

Когда старик услышал его извинения, он склонился к тому, чтобы обласка юношу, отложил в сторону свою дубину, успокоил его и сел возле него. Молвил: — «Расскажи про свои похождения, что ты видал и что с тобой случилось, какое наказание ты видел от злодеев, какое зло причинил тебе негодяи».

Когда Махан услышал мягкую речь старца, рожденную лаской, он сообщил про свои похождения и про несчастье, которое стряслось над ним, о том, как он попадал из беды в беду, каждую ночь отдавал сердце другой напасти, как, в конце концов, он отчаялся и то чернел, то белел, рассказал, наконец, о колоде и благодатном свете, который из тьмы привел его в сад. Изложил он свой рассказ со всеми подробностями, раскрыл старцу сокрытое повествование. Старец, выслушав его речь, подивился необычным проис-

шествиям и молвил: — «Необходимо воздать хвалу за то, что ты нашел безопасность после страданий и страха».

Когда Махан после ласки и помощи старца увидел, что ему надлежит отблагодарить стража, смятение вдруг подняло дым в его мозгу, волнение заставило его увидеть все в искрах. Спросил он: — «Это гнусное место, что за земля и какая страна? Вчера оно показалось мне Судным Днем, и никто не внимал моим воплям. Увидел я дивов и лишился чувств, таково состояние видавшего дивов. Ко мне подошли тысячи стад дивов, в каждом сто тысяч коварных дивов. Один ташил и бросал меня, другой—бил; и дивы, и хищные звери все были злее зла. Темнота получает ключ от света, в черноте надо смотреть на белое, но я видел столько черного в черноте, что утрашился виденной мною тьмы. Попал я в беду, растерялся, уста мои пересохли, а глаза увлажнились, я стонал от того, что видел, и протирал рукой глаза. Бежал я и проходил путь, то шепча: «нет силы», то «во имя Аллаха», пока не спас меня бог от беды, и мрак заменился мне живой водой. Нашел я сад, прекраснее Ирема и садовника, еще прекраснее сада. Мой вчерашний страх рассеялся, откуда же сегодня мое блаженство и покой?»

Старец молвил: — «О спасшийся от печали и скорби, проникший в заповедную ограду спасения! Пустыня, которая лежит вокруг этого места, — страшное бесплодное обиталище дивов; а эти обитатели пустыни, похожие на зинджей, — люди бесы, пожирающие людей. Сначала они обманывают человека, потом разрывают его по всем суставам. Они притворяются правдивыми, но ведут плохую игру, берут человека под руку, но бросают в колодец. Их любовь указывает путь ненависти, — таков обычай у дивов. Человек, если он склонен к коварству, принадлежит к дивам этой пустыни, таких дивов в мире много, — сами глупы, но смеются над глупцами, они то прикрывают ложь правдой, то выпивают яд, смешанный с медом. В живых фантазиях — беспомощность, правдивость — это приговор на вечное благо. Ключ к правдивости — вечная жизнь, чары от ее силы становятся очевидными. Вино переполнило все твое существо, оттого такие фантазии проникли в твою голову. Такую странную игру показывают только простодушным. Страх твой сделал на тебя нападение и завладел твоей фантазией. Все, что терзало тебя, это был твой страх, оттого что ты сбился с пути. Если бы твое сердце было тогда на месте, твой ум не показал бы тебе таких фантазий. Но ты спасся из этого обиталища гулей, ешь чистую пищу, и потому не печалься! Знай, что на сегодня у тебя есть все необходимое. Бог прислал тебя к нам из мира. Этот драгоценный сад цвета эмали, который достался тебе ценой крови сердца, — мое имущество, в этом нет спора, и нет в нем розы, которая не была бы законно приобретена. Плоды взрощены мною с любовью, каждое дерево в саду посажено мною. Доход от него, даже и тогда, когда он невелик, может обогатить целый город, кроме этого, у меня еще есть дворец и амбары, золото горами, жемчуга целыми выюками. Все это есть, но нет у меня сына, к которому я мог бы привязаться сердцем. Я увидел, что ты обладаешь добродетелью и привязался к тебе отеческой любовью. Если согласишься ты, юноша, все это

я передам на твое имя, чтобы ты гулял в этом свежем саду, наслаждался и жил привольно. Поищу я тебе, зрело подумав, чарующую сердце невесту, отдам вам свое сердце и буду счастлив, выполню все, что бы вы ни пожелали».

Сказал Махан: — «Разве уместны такие слова? Могут ли на терновом кусте расти розы? Если ты сдержишь это обещание, ухватишься рукой клятвы за эту полу, если усыновишь меня, буду рабом твоим за такое милостивое обращение. • Будь счастлив за то, что порадовал меня, о ты сделавший дом мой процветающим».

Старец взял его за руку, дал ему обет, клятву и обещание, молвил:— «Встань». — Гость поднялся и хозяин слева отвел его вправо. Показал ему высокий дворец, все цыновки там были из шелка, стены его поднимались до самого небосвода, вышки красовались над порталом, весь он был из мрамора, по блеску, как чистое серебро. Двор у него был широкий, а вышка узкая, окруженная множеством ветвей ивы и стволов белых тополей. Ворота дворца были из двух прочных створок, само небо целовало перед ним пояс. Перед этим порталом Каянидского ¹⁾ дворца росло высокое и раскидистое сандаловое дерево, красовались его переплетавшиеся ветви и роняли на землю свое украшение. Старик поспешно устроил на нем для Махана сиденье, прочно прикрепил доски, покрыл их коврами, мягкими и приятными, как листва деревьев.

И сказал старец Махану: — «Влезь на это дерево, а если понадобится тебе вода и еда, тут висит походная сума и фляга, полные белого хлеба и голубой воды. Я иду все приготовить для тебя, открыть для тебя двери дома. Пока я не вернусь, потерпи и подожди и, смотри, не спускайся с этого ложа, не поддавайся ни на чью лесть, терпеливо выслушивай всякие ласковые речи. Когда я вернусь, ты сначала удостоверься, что это действительно я, и тогда только разреши мне приблизиться к тебе. Так как между мной и тобой, по обету моему, была беседа, свежая как молоко и мед, сад — твой сад, дом — твой дом, мое жилище — твое гнездышко. Сегодня ночью страшись злого глаза, все остальные ночи будь покоен».

Когда старец дал ему все эти советы, он прибавил к советам и клятву. Была там лестница с ремennыми ступеньками, под которой было высокое ложе. Старец молвил: — «Поднимись, ступай на ремни, сегодня соверши прогулку по ремням и с земли подними эту лестницу, чтобы никто не смог стащить ее вниз. Сегодня устрой себе пояс из змей, а завтра уже насладись и кладом. Хотя халва наша и поспела к вечеру, шафран ее ты увидишь днем. Если сегодня ночь, заставляющая сжиматься от страха горло, то в руках утренних сумерек смеющееся блаженство».

Сказал это старец и пошел к дворцу, чтобы приготовить помещение для гостя. Махан поднялся на высокое дерево и втащил ремennую лестницу, уселся на высокий трон, все высокие у ног его казались малыми. Гостеприимный прохладный ветерок продувал это полное амбры жилище, Махан

¹⁾ Династия Каянидов — мифические цари древнего Ирана.

раскрыл сумку и поел немного белых лепешек и желтых пирожков. Когда на этом изукрашенном румийскими шелками троне он удобно устроился на китайских коврах, он выпил немного из зеленой фляги студеной воды, охлажденной северным ветерком. Ветки сандала, благоухая камфорой, отогнали от его сердца печаль и тоску, он облокотился, начал осматривать сад и вдруг увидел издали двадцать факелов. Невесты со свечами в руках, (а новый шах любил молодых девушек), двадцать красавиц, похитивших семнадцать качеств у месяца ¹⁾ шли по дороге; каждая была украшена другим нарядом, покрыта краской розы и сахаром. Когда пришли они на площадку сада с факелами в руках, — а сами как светочи, — накрыли они царственный стол и всю площадку устлали коврами. Та периликая, которая была их главой, жемчужиной венца и лучшим камнем в ожерелье, подошла к месту пиршества и села на почетное сиденье, всех остальных усадила вокруг себя.

Начали они петь, словно птицы, и вдыхать аромат луга, чарующий голос их отнял покой не только у Махана, но даже у самого месяца. Желание танца заставляло двигаться их ноги, желание плескать в ладони овладевало их руками. Налетел ветерок с лукавыми шутками, покачал апельсины садов. Черная ночь лила сахар, смешивала сандал с апельсинами.

Томясь по этим апельсинам, пленяющим душу, Махан вдали натирал сандал. Раз сто собирался он решиться и спуститься вниз с этой вышки, поиграть с этими куколками, прелестными как гурии, появившимися в раю еще до Страшного Суда, но каждый раз ему приходил на память совет старца, и он сдерживал порывы страсти.

Немного повеселившись, девушки развернули скатерти и стали кушать; скатерть они положили разукрашенную рубинами и жемчугами, соединили рубины с жемчугами. Были там яства, не выдавшие огня и воды, уснащенные мускусом, алоэ и розовой водой, похлебка с шафраном и сахаром, гранатовый сок еще слаще похлебки, поеный болгарский ягненок, свежая рыба, откормленная птица, хлебцы, белые, как камфара, мягкие и нежные, как грудь и спина гурий. Халвы, насыщенной сахаром, было больше, чем можно сказать, тысячи разновидностей пышек, приготовленных с маслом и ароматами. Когда принесли они такой стол, — да это был и не стол, принесли целый мир! — царица красавиц сказала одной красотке: — «Скоро придет ко мне супруг в наше сборище, слышу я аромат алоэ из грубого сандала, поди-ка к этому сандаловому алоэ. Кажется, что родственная душа сидит на дереве и томится. Ласково позови его вниз, пусть он поиграет с нашей красотой. Скажи ему: пусть протянет свою руку к столу, быть может, он согласится стать нашим гостем. Вставай, чтобы насладиться его близостью, стол накрыт, не держи его в узах!»

Пошла красотка к раскидистому сандаловому дереву, ротик у нее был маленький, а нежных слов много. Как соловей, пропела она ему привет и словно цветок сорвала его с дерева. Гостю не терпелось на месте, ноги

¹⁾ Т. е. были прекраснее полной луны.

его жаждали танца, и пошел он за проворной посредницей, ибо самому ему хотелось найти посредника для такого дела. Запала ему на ум юная красавица и не вспомнил он даже про совет старца, так как юность владела его природой, мог ли он думать о советах стариков?

Когда любовь устранила с пути стыд, Махан пошел на приглашение луны. Когда луна увидела его светлое как солнце лицо, она поклонилась ему словно царскому престолу, посадила его с собой на царственную дыновку, одна дала сахар, другой рассыпал жемчуга.

Разделила она с ним трапезу, ибо таков обычай гостеприимства, и от дружбы и преданности каждое мгновение давала ему отборный кусочек. Покончили они со столом, и яхонтовая чаша стала пищей души. Когда они выпили несколько кубков, удалили они от себя всякий стыд, опьянение разорвало покров стыда, и солнце Махана разогрелось любовью к луне. Нашел он куколку, подобную расцветающей весне, красавицу, словно сто тысяч картиш, мягче и нежнее, чем белый горностаи, слаще и жирнее, чем сахар с молоком. Щеки ее словно чарующее сердце яблоко среди розовой воды и сладостей. Тело — как ртуть, когда ее берешь в руку, — от нежности выступало через пальцы, грудь ее, словно роза в саду, талия, как свеча или светоч, украшениями месяца она была осыпана, и любовь Махана к ней возрасла в тысячу раз. То он кусал ее, как пьяный сахар, то сосал как пчела мед. Когда Махан обнял красавицу, месяцеликая от стыда склонила голову. Он прижал к груди китайскую куколку, столлистную розу, серебристый тополь, приложил уста к этому роднику старого вина, приложил печать из рубинов к яхонту.

Но когда он взгляделся хорошенько влюбленным взором в этот свет очей и источник сахара, увидел он ифрита ¹⁾, от пасти до пят сотворенного из божьего гнева, быка с кабаньими клыками, каких даже у дракона никто не видал, — да что дракон, это скорее был Ариман ²⁾, — пасть его была от неба до земли, с горбатою спиной, — прибегаем к Аллаху, — кривой, как натянутый лук, спина, как лук, а морда, как у рака, зловоние исходило от него на целый фарсах, нос, как печь, в которой обжигают кирпич, рот, как котел красильщиков. Раскрыл он пасть, как зев крокодила, и тесно прижал к груди друга, целовал его в голову и лицо, тайно и явно, и говорил при этом такие слова:

— «О, в когти мои попала твоя голова, о, клыки мои разорвут твою грудь, ты хватал меня руками, впивался зубами, чтобы поцеловать мои губы и подбородок, не делай же ногти и зубы, похожими на стрелы и копыя. Как велика была сначала твоя страсть, почему же теперь стала вялой? Ведь это те же губы, требуй поделуя! Ведь это то же личико, не отвращайся от луны! Не бери вина из рук кравчих, которые прикрывают правду сотней уловок, не нанимай дома в переулке, где надзирателем состоит вор. Так и подобает, чтобы я сделал с тобой все, что нужно. Если я не

¹⁾ Злой дух.

²⁾ Злое начало в религии древнего Ирана.

сделаю с тобой того, чего ты достоин, тогда я стану таким, каким ты видал меня сначала».

Каждое мгновение издевался он, сжимал юношу в пламенных объятиях. Когда Махан, лишившись сил, увидел, что луна стала драконом, красавица с белыми ляжками стала чуднцем с кабаньими копытами, волоокая превратилась в страшилище с бычьим хвостом, он от страха, под этим драконом, черным как смола, стал желтым как желчь. Раскричался он как испугавшийся ребенок или как женщина, у которой дитя упало с колен, а черный кабан, как Белый Див¹⁾, своими поделуями зажигал дрожащую иву, до тех пор, пока не забрезжил свет утра. Тогда раздалось пение птиц и смутило дива. Покров мрака был снят с земли, и призраки исчезли. Все эти поддельные жемчужины, фальшивые рубины ушли. Махан остался один лежать, упав у дверей дворца, пока совсем не рассветло.

Когда от базилики жаркого дня он опять пришел в чувство, открыл глаза и увидел мерзкое место, ад нашел, вместо рая. Осталось только мучение, богатство исчезло, все, что пленило взор, оказалось созданием фантазии. Красавица была создана фантазией и достигнуть ее было невозможно. Увидел он, вместо сада — заросль терновника, вместо дворца — желтую колючую траву, кипарисы и тополя оказались щепками и терниями, плоды — муравьями, а плодовые деревья — змеями. Грудки птицы и спинки ягнят — были десятилетние трупы, флейты, арфы и лютни музыкантов — истлевшие кости животных, а изукрашенные драгоценными камнями ковры — покрытые плесенью шкуры, прозрачные как слеза ручьи — превратились в лужи вонючей воды; то, что он ел, чего не доел и то, что осталось от вина кравчих, сохрани нас бог от таких угощений, — это был гной из ран, а то, что было базиликой и вином, оказалось грязью из отхожих мест.

Снова Махан отчаялся и прочитал молитву: «молю Аллаха о прощении», не было у него сил пуститься в путь, не было возможности подняться на ноги. Молвил он про себя: «Странное это дело, где здесь связь, что это за круговорот? Вчера я видел цветущий сад, сегодня страдаю, не имел хлеба. Что за польза в том, что терновник показался мне розами? Что же, в конце концов, я получил из сада судьбы?» — И не знал он, что все, что мы имеем, это дракон под покровом месяца. Горе, если скинуть покров с того, с кем играют в любовную игру невежды! Эти румские и китайские картины стали, как ты видел, уродливыми зинджами, кожа прикрывала кровь, снаружи благовоние, внутри навоз. Если из бани уберут эту кожу, то золу никто не полюбит. Ясно, что для того, кто покупал змеиные камешки²⁾, думая найти камешки, а вместо них в корзине увидел змею, не большой обман, если в этой иссохшей хартин он нашел, что мускусная железа стала углем алмаз.

Когда Махан освободился из когтей злодеев, освободился, как я от рассказа о Махане, он вознамерился совершить благое дело, покаяться и дал

¹⁾ Чудовище, о котором повествует «Книга Царей» Фирдоуси.

²⁾ Камешки, служащие талисманом, будто бы находящиеся в змеиной голове.

обеты. от чистого сердца прибег к богу, пошел по пути и проливал кровь, пока не пришел к светлой и чистой воде, омылся и забыл страх, сотворил земной поклон и в унижении припал к земле, к помощнику беспомощных воззвал он в печали: — «О помогающий, помоги в моей беде, о указующий, укажи мне путь». — Некоторое время стонал он, взывая к богу, и преклонял лицо к земле; когда он поднял голову, он вдруг увидел возле себя человека, одетого в зеленое, как весенняя пора, розоликого, как светлое утро. Спросил: — «О ходжа, кто ты, по правде? О драгоценный камень, из чьего ты рода?» — Тот ответил: — «Я Хызр¹⁾, о богомольный человек, пришел я, чтобы взять тебя за руку. Твое доброе намерение долетело до меня и доставит оно тебя в твой дом. Возьмись за мою руку покрепче, закрой глаза и снова открой».

Когда Махан услышал слова Хызра, жаждущий увидел живую воду, он быстро подал пророку руку, закрыл глаза и тотчас же открыл их. Увидел он себя в том же безопасном месте, где див сбил его с пути. Открыл он ворота сада и торопливо побежал, вернулся в Миср из пустынных мест. Увидел он друзей своих в молчании, все они в знак траура одели синие одежды. Все, что он видал, от начала и до конца, он рассказал полностью друзьям. Старался быть с ними единомышленным, приготовил себе синие одежды и одел их, синий цвет стал его обычным цветом, как небо-свод, принял он цвет времени.

Перевел с персидского

Е. Бертельс



¹⁾ Мифический пророк мусульман; некоторые комментаторы Корана отождествляют его со спутником Моисея, о котором повествует XVIII глава Корана.